

К сожалению, в России исторически утвердился радикальный тип политического и правового воздействия, ориентированный на проведение экстремных и кардинальных мер, на революцию, а не на реформу. Отечественный тип правового радикализма – это обращение к ценностям кардинального изменения и социального равенства в ущерб ценностям порядка и свободы.

Гнидина Ю.А.

СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В современном юридическом образовании преимущественно делается упор на знание текста и смысла (с точки зрения законодателя) источника права и технологии его применения, а базовый, контекстуальный уровень, уровень духа опускается, хотя именно от него зависит направленность конкретного профессионального юридического действия, а значит, и его результат. Представляется очевидным, что любая правовая система выражается и функционирует на двух уровнях. Во-первых, это философия (дух, культура, контекст, намерение), которая определяется потенциальными и абстрактными целями участников законодательного и правоприменительного процесса. Во-вторых, это технология, то, что может быть формализовано, выражаемая в самих текстах нормативных актов и в процессуально регламентированных действиях.

Однако опыт показывает, что философия без технологии бессильна, технология без философии слепа. Именно философия, если она разделяется сообществом людей на уровне добровольного соглашения и исполнения, является гарантом соблюдения технологии. Именно философия реализуется в качестве правосознания и правовой культуры общества, реализуется одновременно как профессиональная компетентность и человеческая порядочность и ответственность. Это глубинное личностное свойство не может быть формализовано, но может быть целенаправленно сформировано в системах образования и воспитания, и этому есть рациональные основания.

Если профессионал владеет контекстом, он может управлять процессом. Выход из ситуации кризиса правовой системы (кроме технических реформ системы права и системы законодательства) – это воспитание юридической элиты, которая владеет контекстом правового взаимодействия в целом, на уровне глубинного личностного осознания и принятия принципов права, ведь владение контекстом предопределяет выбор лучшей из возможной методологии для осуществления какого-либо процесса. Таким образом,

ключевым вопросом развития правовой системы в целом становится вопрос о носителе духа права, правовой культуры, т.е. о личности.

В современном гуманитарном знании, предлагающем множество описаний общества, каждое из которых имеет свою методологическую основу и выражает на соответствующем ей языке «практические» явления и отношения, обострилось осознание методологических «разрывов», что проявляется в возникновении междисциплинарных отраслей знания, вызванном, с одной стороны, плюрализмом научных точек зрения, с другой стороны, ростом внимания социальных дисциплин к научному аппарату друг друга, т.к. именно последнее открывает ресурс для их взаимного идейного обогащения. Однако в юриспруденции до сих пор недостаточно внимания уделяется такому базовому для описания социальной реальности моменту как соотношение государства, права и личности. Личности именно в качестве определяющего, экзистенциального феномена. В теоретической юриспруденции внимание исследователей сосредоточено на проблеме взаимосвязи государства и гражданского общества, при этом личность (в ее бытийственном аспекте) как носитель правовой культуры опять оказывается за рамками научной рефлексии. Остаются неосвещенными глубинные механизмы взаимного влияния государства, личности и гражданского общества; теряется возможность полноценного описания и более точного осознания характера этой взаимосвязи, эффективного управления протекающими на этом уровне процессами. Последнее выражается, в частности, в недостаточной способности управленческих и властных структур адекватным образом реагировать на усложняющиеся запросы социума, о чем свидетельствуют такие социальные явления как, например, бюрократизация управления и отсутствие прозрачности его механизмов, приоритет их реализации перед реализацией целей человека и гражданина, связанная с этим формализация прав личности и т. д.

В поле гражданского общества принцип установления разумного баланса интересов различных социальных слоев реализуется на уровне горизонтальных связей благодаря взаимодействию ответственных грамотных личностей. Свобода принятия решений и ответственности за их реализацию в правовой практике обуславливается «субъектностью» личности, т.е. осознанием целей и ценностей (тем, что традиционно принадлежит к области «духа»), направляющих взаимодействие людей в частной и публичной сферах жизни. Поскольку функция права состоит в регулировании социальной практики, то при анализе условий развития правовой культуры субъектность (аспект личности, связанный с укорененностью личности в бытии) необходимо учитывать. Этим определяется необходимость принципиального пересмотра ме-

тодологических позиций, означающая переход из области анализа правовых механизмов исключительно как «технологий» в область исследования их с точки зрения «духа» в веберовском понимании этого слова.

Методологические установки, выработанные философской и социально-политической мыслью XX в. (фундаментальной онтологией М. Хайдеггера, политической социологией Н. Лумана и т.д.) позволяют говорить о том, что возможна гармонизация правовой системы не только посредством политико-правовых механизмов, но и посредством изменений на уровне личности, связанных с ее атрибутивными свойствами. Философия позволяет описывать эти изменения на феноменологическом уровне. При этом очевидна фундаментальная невозможность их технологизации, выведения на уровень социальной технологии или юридической процедуры. Причиной этого является онтологическая укорененность личности, выражающаяся в ее субъектности.

Игнорирование того факта, что личность онтологически инициирует и поддерживает взаимосвязь государства и гражданского общества, привело к тому, что в научном теоретико-правовом поле категории личности, общества и государства фигурируют как гомогенные, по умолчанию употребляются как однопорядковые, принадлежащие к одному и тому методологическому уровню описания, что, на наш взгляд, обосновано исключительно сложившейся традицией. Однако методологически более корректным в данном случае будет являться рассмотрение их в едином смысловом поле, на котором происходит их методологическое «сращивание», проясняются некоторые проблемы соотношения, но сохраняются условия для дальнейшей интерпретации целостного смысла.

В любой политической системе государство играет ведущую роль, выступает своего рода формулой ее самоописания. Первостепенная роль государства распространяется и на все другие подсистемы общества, что означает конституирующую роль государства по отношению к правовой реальности. Одновременно указанная роль подразумевает ответственность за выбор государством направления, в котором действует любая создаваемый нормативный акт, а равно за его «качество». Ответственность государства перед гражданином является одним из ключевых принципов современного правового устройства. Однако с точки зрения рядового гражданина она, как и само государство, воспринимается в качестве абстрактного образования, некой ментальной конструкции¹. Будучи констатированной в праве, ответст-

---

¹ Напр., Н. Луман обозначает государство как «юридическую фикцию коллективного лица, которому приписываются решения» или как познавательный прием, описывающий политическую систему общества. См.: *Посконина О.В.* Философия государства Никласа Лумана. Ижевск, 1999. С. 39, 41.

венность формаль-но возлагается на государство в том смысле, что реально, т.е. экзистенциально и онтологически она реализуется через конкретных людей. Таким образом, исследование природы государства и права, их предельных оснований, должно включать идею личности как свой конститутивный момент, связывающий теоретико-правовой и экзистенциальный аспекты правовой реальности.

Государство конституирует сферу социально значимых отношений посредством придания им правовой структуры. Н. Луман указывает, что современные исследования государства базируются именно на различении государства и гражданского общества, но «как можно приписывать действие государству, если оно не существует реально само по себе – у него отсутствует свобода воли вне контекстуальных связей с обществом»¹. Присутствие свободы воли как возможность действовать «изнутри» себя можно констатировать только в отношении личности, и это положение является общим местом для антропологии (социальной, философской, политической), при этом практически оставаясь за гранью внимания теоретико-правовых исследований.

Таким образом, для установления методологически непротиворечивого соотношения между государством, правом и личностью требуется рассмотрение контекстуальной связи между ними, которая выявляет третий, наиболее широкий, аспект в понимании правовых явлений, основывающийся на их общесоциальной роли (установлении правил для социально значимых взаимодействий) и выявляющийся при исследовании позиции государства с позиции отдельной личности.

В контексте данной статьи личность рассматривается, во-первых, как субъект отношений и сознательной деятельности, устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена общности², во-вторых, в качестве такого элемента социальной реальности, который наделен онтологическим статусом и является носителем духа в против-положность правовым технологиям, таким статусом не обладающим. Обладание личностью свободой воли предполагает ее онтологическую и экзистенциальную способность нести ответственность, а значит, выступать таким социальным субъектом, который способен устанавливать правильные (в смысле адекватные) формы социальных проявлений, уже тем самым их регулируя. В том случае если личность не проявляет субъектности, т.е. не осознает свободу своего выбора, при этом перекладывая ответственность на социальные усло-

---

¹ Цит. по: *Посконина О.В.* Указ. соч. С. 14.

² *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 314.

вия и подчиняясь им по неосознаваемому, то от этого человек попадает в ситуацию отчуждения по отношению к праву в целом, и социальная ситуация характеризуется такими категориями как «отчуждение», «правовой нигилизм», «правовой конформизм». Как отмечает М.В. Шугуров, «отчуждение начинается с того момента, когда личность перестает культивировать качественное своеобразие своего бытия»¹, т.е. перестает отвечать за «собственное» и «оригинальное», подпадая под стереотипы социальных взаимодействий и возлагая на них ответственность за свои поступки. И если формирование правовой системы на уровне целого происходит как самоорганизация, то на уровне конкретной личности осознание и принятие права имеет характер целенаправленных, а значит, осознаваемых изменений, которые являются основой для развития социальной общности.

Кроме того, в концепции правового государства, разрабатываемой в рамках теоретической юриспруденции, последовательное связывание государственной власти осуществляется через режим правового ограничения. Оно реализуется через закон, который, с точки зрения законодательной процедуры, принимается и реализуется от имени самого же государства, т.е. государство должно вводить ограничения в отношении себя самого. Однако, очевидно, что государство само себя никогда не ограничит, и подлинным ограничением его власти может стать только ответственная, осознаваемая воля личности. И потому действительные изменения в правовой реальности надлежит связывать именно с личностью, точнее с процессами, протекающими в личностных структурах (в частности, обеспечивающих реализацию субъектности и связанных с категориями «смысл», «поступок», «ответственность», «свобода выбора»), на уровне более глубоком, чем исследуемый в политической антропологии, социологии, психологии, рассмотрение которого невозможно в рамках юриспруденции и составляет предмет философского анализа.

Калинина Е.Ю.

КРИЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Одной из важных проблем на современном этапе развития государства и общества является кризис правосознания. Он проявляется в самые трудные моменты, переживаемые народом, и характеризует состояние самоидентификации нации: отсутствие чётких ориентиров для дальнейшего про-

---

¹Шугуров М.В. Социальный конфликт и самоосуществление личности. Саратов, 1994. С. 76.